

Гуськова Наталья Семеновна

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры всеобщей истории
Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета

Золотова Ирина Анатольевна

старший преподаватель кафедры
отечественной истории и права
Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РАБОЧИХ В ПРЕДКРИЗИСНОЙ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Аннотация:

В статье рассматривается профессионально-техническое образование рабочих в сложный период 1991–2008 гг., ознаменовавшийся событиями, по масштабам сопоставимыми с революцией, и одновременным проведением либеральных реформ, изменивших политические институты и разрушивших советские формы собственности. С началом приватизации предприятий профтехучилища лишились базовой поддержки и были вынуждены использовать резервы оставшейся материально-технической базы, ориентируясь на подготовку обучающихся по менее затратным профессиям. В условиях кризиса безработицы учеба была одной из форм занятости молодежи. В связи с падением престижа рабочих профессий профтехучилища не могли конкурировать с вузами, часть из них перефилировалась в организации среднего профессионального образования с платной формой обучения. Отмечено, что причины кризиса в профессиональном техническом образовании заключались не только в недофинансировании системы, но и в неэффективном характере отношений в структуре образования, в устаревших механизмах функционирования, формах и методах всей системы. Обозначены перспективные направления реформирования и перестройки системы профтехучилищ, которая должна не только нацеливать на получение профессии, но и формировать у рабочих потребность в непрерывном образовании в течение всей жизни.

Ключевые слова:

рабочий класс, профессионально-техническое образование, профтехучилище, модернизация экономики, приватизация, реформа образования, Уральский федеральный округ.

Guskova Natalia Semenovna

PhD in History, Associate Professor,
World History Department,
Southern Ural State University of
Humanities and Education Science

Zolotova Irina Anatolyevna

Senior Lecturer,
Russian History and Law Department,
Southern Ural State University of
Humanities and Education Science

VOCATIONAL EDUCATION OF WORKERS IN PRE-CRISIS RUSSIA (A CASE OF THE URAL FEDERAL DISTRICT)

Summary:

The study discusses vocational education of workers in a severe period of 1991–2008 characterized by events comparable to revolution and simultaneous liberal reforms which have changed the political institutions and destroyed the Soviet-style ownership. When the companies were privatized, vocational schools were deprived of the basic support and had to rely on former equipment and infrastructure focusing on less expensive field training. In the context of employment crisis, young people were involved in training. Because of the decline in respect for labor occupations, vocational schools could not compete with universities; some of them were transformed into secondary vocational educational institutions for a fee. The causes of the crisis in vocational education of working class included the lack of financial support for vocational education system along with the ineffective relationships in this field, the outdated functioning mechanisms, forms and methods of the system as a whole. The research notes the promising trends in reforming and restructuring the system of vocational schools that should focus on professional training and develop the workers' need for the lifelong learning.

Keywords:

working class, vocational education, vocational school, economic modernization, privatization, education reform, Ural Federal District.

Период 1992–2008 гг. в истории России по масштабности и скоротечности событий сопоставим с революцией. Этому времени предшествовала перестройка, не имевшая обоснованной научно-теоретической концепции, в связи с чем страна двигалась вперед без точно определенного плана развития, извлекая уроки из предшествующего десятилетия. Общество оказалось политизированным, социально-гуманитарное знание не было готово оценить происходящее на основе прежних методологических подходов. Исследователи, как и общество в целом, наблюдали борьбу двух политических лидеров – М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина – за власть и не могли предположить, что за фасадом поединка государственная бюрократия готовится к введению рынка.

Высшее руководство СССР во главе с президентом СССР в 1990–1991 гг. принимало нормативно-правовые акты, нарушавшие действовавшее законодательство и Конституцию СССР, угрожавшие территориальной целостности и суверенитету СССР. Поэтому центробежные силы в августе 1991-го попытались остановить процесс развала СССР, но не получили поддержки народа. Их поражение завершилось роспуском Съезда народных депутатов СССР, крахом исторического развития перестройки, демонтажом союзной государственности и подписанием 8 декабря 1991 г. в 14:17 руководителями Республики Беларусь (С.С. Шушкевич), РСФСР (Б.Н. Ельцин, Г.Э. Бурбулис) и Украины (Л.М. Кравчук, В.П. Фокин) документа, который известил весь мир, «что Союз ССР как субъект международного права прекращает свое существование». 12 декабря 1991 г. в 13:28 Россия вышла из состава СССР после решения Верховного Совета РСФСР о ратификации Беловежских соглашений, за которую проголосовало 243 депутата парламента. Только 7 (С.Н. Бабурин, В.А. Балала, В.Б. Исаков, И.В. Константинов, П.А. Лысов, Н.А. Павлов, С.А. Полозков) не признали ратификацию и проголосовали против. Президент СССР 25 декабря 1991 г. после выступления по телевидению покинул кабинет. Над куполом Кремля после Государственного флага СССР был установлен российский триколор.

Демократы России рассматривали полученную власть как завоеванную, поэтому изменяли политические институты, одновременно навязывая обществу либеральные реформы: разгосударствление, жесткий кредитный режим, а именно отказ убыточным предприятиям, коллективным хозяйствам на селе в государственных субсидиях. Исследование проблем профессионального образования рабочих позволяет выявить вектор модернизационного прорыва России на основе достижения и освоения наукоемких технологий и реализации непрерывного качественного профессионально-технического образования (ПТО) рабочих, качество знаний которых является основным ресурсом в развитии экономики.

В течение длительного времени истории рабочего класса уделялось особое внимание в отечественной науке, потому что в социально-классовой структуре советского общества и материальном производстве он занимал ведущее место. К началу 1990-х гг. его численность составляла 60 % всех занятых в народном хозяйстве [1, с. 249].

Важность проблемы объяснялась и началом демократических преобразований в интересах общества в целом, а не отдельных его групп, в том числе рабочего класса. Следовательно, демократизация исключала диктатуру какого-либо класса, чтобы обеспечить процесс формирования правового государства. Происходившие изменения подводили к переосмыслению роли рабочих, их профессиональной подготовки, системы профессионально-технического образования, игравшей ключевую роль в обеспечении народного хозяйства квалифицированными рабочими. К 1980 г. в учебных заведениях ПТО было подготовлено около 70 млн рабочих, из них 24,5 млн в 1971–1980 гг. [2, с. 3].

Тогда около одной трети рабочих в промышленности и более половины на транспорте и строительстве было занято ручным трудом [3, с. 75–76]. Стало очевидным, что были исчерпаны возможности экстенсивного пути подготовки рабочих за счет роста их численности на предприятиях.

Однако рабочий класс исчезал из общественного поля зрения. Модернизационные процессы, становление рыночной экономики привлекали внимание исследователей к проблемам предпринимательства, приватизации и др. Масштабные события 1991–2008 гг. требовали определенного времени, поиска методологии, накопления необходимых материалов для анализа и выводов. Сокращение тиража статистических сборников до 2 тыс. экземпляров (в советский период выпускалось по 300 тыс.) и опубликование важных материалов Всероссийской переписи 2002 г. только спустя два года после ее проведения также осложняли изучение проблемы специалистами.

Модернизация экономики сохранила материальное производство, но численность рабочих сокращалась, поэтому вполне уместным было ставить вопросы о месте рабочего класса в современном обществе, его профессиональном образовании, которое обеспечивало эффективность производства.

К концу 1990-х гг. общество, потрясенное последствиями либеральных реформ и кризисом 1998 г., ожидало научных выводов исследователей. В них было заинтересовано и руководство страны после добровольной отставки президента РФ Б.Н. Ельцина, которое хотело получить знания не только об экономическом положении страны, но и о структуре общества, прежде всего о рабочих, которые были главной производственной силой в материальном производстве. Без этих выводов перспективы развития страны представлялись весьма неопределенными. Поиском ответов на поставленные вопросы занялись прежде всего философы, социологи. В 2000 и 2002 гг. были проведены два конгресса, на которых обсуждались методологические альтернативные подходы. Их выводы в дальнейшем помогли ученым в исследованиях и по другим наукам. Обсуждаемые вопросы позднее находились в центре дискуссии журнала «Социологические исследования», которая привлекла внимание многих ученых, потому что обсуждались значимые вопросы: не исчез ли рабочий класс в постсоветской России, какую категорию работников следует отно-

сить к рабочим и какое место они занимают в российском обществе? Дискуссия выявила методологические подходы к определению понятия «рабочий класс»: исторический, рецепционный, промежуточный [4]. Основными участниками дискуссии были философы В.Х. Беленький, Б.И. Максимов, В.В. Трушков.

Актуальность вопросов возрастала еще и потому, что официальная точка зрения либеральных реформаторов отвергала наличие рабочего класса. Их взгляды разделяли С.Г. Кара-Мурза, О.И. Шкаратан, В.В. Радаев. Были, однако, и настроения, что рано еще говорить о формировании классов в современной России [5, с. 21].

Рецепционная концепция предполагала, что под влиянием демократических преобразований в России формируется социальная структура общества, аналогичная странам Запада, включающая понятие «рабочий класс».

Представители исторического подхода в определенной мере близки к предыдущей концепции. Они распространяли понятие «класс» на дореволюционную и советскую эпохи, при этом полагали, что в современной им России под воздействием реформ будут меняться и преобразовываться система социальных отношений и социально-классовая структура общества [6, с. 127].

Промежуточный подход – это варьирование между марксистским и немарксистским подходами, на основе которого исследователи Т.И. Заславская, З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян ввели понятие «базовый слой» (численность – от 57 до 70 %). В качестве основных критериев при определении понятия «класс» они выбрали отношение к собственности и доходы. Такие критерии, по убеждению профессора В.Х. Беленького, не учитывали того, что в любом государстве сохраняется материальное производство даже в результате реформ и поэтому всегда существует социальный слой, занятый деятельностью на производстве. Поэтому у них соединялись в одно целое класс наемных работников и класс наемных рабочих. Анализируя методологические подходы, В.Х. Беленький отдавал предпочтение исторической концепции, но он также обратился к содержанию британского «Социологического словаря» [7], в котором «рабочий класс» (working class) имеет двоякое толкование: 1. Рабочие ручного труда, т. е. те, кто использует прежде всего свои руки, а не умственные способности (рабочие умственного труда). В этом смысле в Англии доля населения, которая является рабочим классом, устойчиво снижалась в течение XX столетия, однако существует проблема относительно того, можно ли, хотя бы для некоторых целей, включать в нее обычных «беловоротничковых» рабочих (см. также Пролетаризация). 2. Члены пролетариата, т. е. все те, кто являются лицами наемного труда или наемными рабочими, не обладающими и не управляющими средствами производства. Во втором значении рабочий класс охватывает намного больше трудящегося населения (см. также Промежуточные классы; Противоречащие классовые положения). Но российские аналитики были готовы распределить рабочий класс во всех слоях общества, кроме предпринимателей. Эта точка зрения позднее нашла отражение и поддержку у историков: А.О. Чубарьяна, С.В. Мироненко, Д.В. Молчанова, А.В. Пыжикова – членов редакционного совета энциклопедического словаря «Всемирная история» (т. 14, с. 62). Доля рабочего класса в Англии в 1981 г. составляла 49 %, в США, по данным 1996 г., – 35 %, в России, по данным за 2002 г., – 41,5 % занятого населения. По статистическим данным за 2004 г., в России рабочих 16 087 тыс. человек, из них квалифицированные – 14 055 тыс., неквалифицированные – 1 032 тыс., что составляло около 6,4 % рабочих, занятых в промышленности [8, с. 76–77].

Приватизация, разгосударствление, коммерциализация привели к масштабным потерям, понесенным прежде всего промышленным рабочим классом. Если в 1991 г. он составлял 16,37 млн человек, то к 2000 г. его численность в промышленности составила около 10 млн человек. Это примерно одна треть экономически активных людей. На протяжении 1990-х гг. уменьшался объем промышленной продукции России, к концу десятилетия он снизился в два раза. По промышленности в целом он сократился на 25 %, по транспорту – на 40–50 % [9, с. 47]. Это снижение объяснялось еще и последствиями экстенсивной подготовки за счет роста численности рабочих, имевших низкую квалификацию.

Рабочие по-прежнему много работали, но степень износа промышленных фондов составляла 52 %, в химической и нефтяной промышленности – 60 %, коэффициент обновления фондов в 1990 г. был равен 6,9 %, в 1999 г. снизился до 1,1 %, т. е. в 6 раз. Если в 1990 г. только 15 % промышленного оборудования имело износ более 20 лет, то в начале XXI в. этот показатель составлял 35 %. В этих условиях увеличивалась интенсивность труда, но снижались его качество и заработная плата, усиливалась эксплуатация рабочих. По расчетам академиков А.Г. Аганбегяна и Д.С. Львова, час работы в России оплачивался в 25 раз меньше, чем в Дании, и в 20 раз меньше, чем в США. Поэтому падали покупательная способность рабочих и доходы населения в подсчетах на одного человека. По этому показателю Россия уступала США в 5 раз, а Германии и другим западным странам – в 3,5 раза. Крайне заниженная заработная плата – один из источников формирования мультимиллиардеров [10].

Менялись и качественные параметры рабочего класса, т. е. его квалификационная структура. Продолжала сокращаться численность рабочих, занятых в отраслях металлообрабатывающей, машиностроительной промышленности, на транспортных предприятиях и др. По данным статистики за 2000 г., именно эти категории работников численностью 3 млн человек были безработными. Низкая заработная плата и заниженный прожиточный минимум (Постановление Правительства РФ № 232 от 16 марта 2000 г.), которые не учитывали расходов на транспорт, связь, промтовары, бытовые услуги, деформировали рабочий класс. Российским рабочим был нанесен ущерб, сравнимый с развалом материального производства [11, с. 371].

Дефицит рабочих пытались объяснить некоторым оживлением экономики. Вместе с тем в течение длительного времени службы по управлению персоналом вместо формирования кадров занимались их сокращением. Поэтому в 1992–1998 гг. более 60 млн человек из экономически активного населения оказались безработными, из них около 67 % – рабочие, т. е. более 40 млн человек, включая не полностью занятых [12, с. 41].

В 1998 г. 72,3 % работников находились в трудоспособном возрасте, но и среди них безработными являлись представители зрелой молодежи 32–34 лет. Их число пополняли те, кто имел высокий уровень квалификации, опыт работы на базе профессиональной подготовки [13, с. 116–117]. Численность кадров быстро сокращалась при отсутствии подъема экономики, исключениями выступили сферы электроэнергетики, где число рабочих выросло в 1,5 раза, ЖКХ и бытового обслуживания – 105,8 %, торговли и общественного питания – 157,7 %, кредитов и финансов – 182,5 %, управления – 173,3 % [14, с. 184]. Сохранение или увеличение численности рабочих наблюдалось и в сырьевых отраслях (нефтяной, газовой, черной и цветной металлургии). Отсутствие работы, перспектив, неуверенность в социальном положении нанесли существенный ущерб кадровому составу и экономике в целом. За 20 лет (1985–2005 гг.) постсоветская экономика значительно изменилась. По международной классификации, экономика России в 2005 г. была на 135-м месте в мире. Для восстановления основных фондов, которые использовались в экономике, требовалось 42–47 млрд долл., но инвестиции колебались от 18 до 20 млрд. Вся промышленность, за исключением сырьевых отраслей, находилась в глубоком кризисе, новые технологии были едва заметны. Весь предкризисный период прирост экономики обеспечивался исключительно за счет добычи нефти, цены на которую на мировых рынках были очень высокими.

Возникла своеобразная ситуация: при наличии безработицы (по данным Международной организации труда, в каждом третьем субъекте РФ она превышала 10 % численности экономически активного населения, а в 2001–2003 гг. в отдельных регионах составляла от 15 до 22,5 %) в стране был дефицит квалифицированных рабочих кадров. Десятилетие реформ Б.Н. Ельцина снизило число работающих на 13 млн человек. Результаты реформ 1992–1999 гг. получили негативную оценку со стороны не только отечественных ученых-рыночников, предлагавших руководству свои проекты в 1992 и 1994 гг., но и известного американского исследователя Томаса Грэма, который в своей книге «Россия: упадок и неопределенные перспективы возрождения» оценивал экономические потери согласно данным официальной статистики: произошел спад материального производства на 40 %. К концу эпохи Ельцина страна занимала 16-е место по курсу валюты и 10-е по паритету покупательной способности в мире и приблизительно в 10 раз отставала от экономики США. 25 % от официальной экономики совершалось в теневом бизнесе [15, р. 57].

Анализируя экономические и социальные потери, можно заметить, что после противостояния президента РФ и парламентской оппозиции, не согласной с грабительским характером реформ и указа Б.Н. Ельцина «О поэтапной реформе», завершившегося применением 3–4 октября 1993 г. армейских военных подразделений и «конституционной революцией», рост безработицы не остановился. В результате «демократических» выборов на основе указа Президента РФ 12 декабря 1993 г. за Конституцию России проголосовало 57 % участников или 31 % зарегистрированных. Вероятно, это была своеобразная форма протеста обедневших безработных, которые ранее имели работу. Если в 1992 г. таких безработных было 79,9 %, в 1993 г. – 81,3 %, то в 1997 г. – 88,0 %. Следовательно, кадровые, образованные рабочие оказались в общей волне сокращенных [16, с. 154].

В связи с дефицитом рабочих актуален был вопрос о профессиональной подготовке рабочего пополнения или возмещении потерь кадровых работников. Администрация предприятий пыталась решить его: организовывала профессиональную подготовку за счет собственных ресурсов, разыскивала кадровых рабочих, наставников, бывших передовиков производства, даже пенсионеров и осуществляла подготовку в своих цехах, применяла старую практику набора рабочей силы из сельской местности и СНГ. Точно определить количество трудящихся-иммигрантов в России было невозможно из-за отсутствия достоверных источников. По данным экспертов, в 2002 г. насчитывалось примерно 3–4 млн человек, из них не менее 1 млн – с Украины, 1,5 млн – из закавказских стран, примерно 1 млн – из республик Центральной Азии, около 200–300 тыс. –

из Молдавии. В период 1994–2004 гг., по оценкам ФМС России, 40 % мигрантов были заняты в строительстве, 20 % – в торговле и общепите, 14 % – в промышленности [17, с. 35]. У приезжих возникало немало социальных, жилищных, визовых проблем. Молодежь не хотела не только идти в ПТУ, но и становиться рабочими. Престиж рабочих профессий среди молодежи упал еще больше, чем в советский период. К тому же школа ориентировала на поступление в вузы, профтехобразование – на коммерцию.

Все актуальнее становилась проблема подготовки высококвалифицированных кадров, способных возродить национальную экономику. Но экономические и технологические проблемы страны по-прежнему решались продажей сырья и полуфабрикатов, а не продукции индустриального труда. В мировом масштабе информационное оборудование приносило больший доход, чем сырьевые и продовольственные товары, вместе взятые. Без решения кадровой проблемы рабочих все постановления и указы по социальным вопросам оставались неосуществимы. До начала перестройки эти кадры профессиональных рабочих готовили профтехучилища. Эта система образования в трудах советских историков и экономистов определялась как социальный институт, ответственный за подготовку и воспитание квалифицированных рабочих кадров. Особенность этой системы состояла в том, что обучающийся получал общее среднее образование и профессию. Более того, до развала СССР в стране был единый принцип общеобразовательной школы, включавший дневные, вечерние школы и ПТУ, в которых учились по одним и тем же учебникам и программам, но они отличались количеством, объемом и принципом построения самого знания. Единство и общеобразовательность обеспечивали высокий уровень знаний, культуры народа и формировали личность. По числу училищ лидировали Украина, Казахстан и Урал. Однако эта форма подготовки была самой дорогой: ее стоимость превышала стоимость обучения в техникумах в 2,3 раза и при трехгодичном обучении в 12,5 раза превосходила стоимость обучения на предприятиях. Поэтому предприятия сохраняли приоритет. Но в отраслях машиностроения, приборостроения, металлургии предприятия предпочитали становиться шефами, т. е. содержателями ПТУ, и готовили в них будущих специалистов. На Южном Урале они выпустили около одной трети в 1971–1980 гг., в том числе в Челябинской области – 397,6 тыс., в Оренбургской – 229,2, Курганской – 99,1 тыс. рабочих. Но и тогда промышленные предприятия сохраняли приоритет в подготовке рабочих кадров [18, с. 19].

При экстенсивном развитии экономики строящиеся и расширяющиеся предприятия поглощали основную часть финансовых средств. В регионах руководство, включая «могущество партийных руководителей», не могло провести кардинальных изменений, потому что большая часть предприятий, финансирующих строительство профтехучилищ, находилась в подчинении центрального ведомству. Собственные средства регионы были обязаны направлять в центр, ожидая их очередного перераспределения. Дальнейшее усиление директивных методов руководства профтехобразованием в условиях командной экономической системы свидетельствовало о противоречии между потребностями развития сети профтехучилищ и возможностями их удовлетворения.

Опыт этого десятилетия (1971–1980 гг.), вошедшего в историю как «застой», свидетельствовал о том, что использовавшиеся директивные, бюрократические методы управления в рамках административно-командной экономической системы делали принципиально неразрешимым противоречие между потребностями народного хозяйства в квалифицированных рабочих и возможностью их удовлетворения через сложившуюся систему профтехобразования. Разрешение этого противоречия в начале 1990-х гг. представлялось возможным путем перехода к рыночной экономике, которая исключает директивные методы руководства. Переход к рыночным отношениям позволял надеяться на разрушение тоталитарного огосударствления, отчуждение работника от средств производства. Таким образом, предполагалось создать такие условия, при которых государство, предприятие, сам работник будут заинтересованы в повышении квалификации для формирующегося современного производства.

Однако в реальности процесс вхождения России в рынок после распада СССР сопровождался стремительным сокращением производства, разрушением государственного сектора в экономике и приватизацией предприятий, ростом безработицы, разрушением прежних систем, включая профессионально-техническое образование. Вместо бюрократических методов руководства появились свобода выбора и возможности самим определять направления подготовки с учетом рыночной конъюнктуры и финансовых возможностей. Поэтому рынок образовательных услуг в России и ее регионах не был сбалансирован с рынком труда. Например, в Уральском федеральном округе (УРФО) число студентов вузов превышало количество учащихся в учреждениях начального, среднего образования. Наблюдалось несоответствие образовательных технологий производственным. Так, на 10 тыс. населения УРФО приходилось 129 обучающихся в системе профтехобразования (в России – 114), в системе СПО – 170 (в России – 159), в вузах – 291 (в России – 294). Эта тенденция, характерная для России в целом, была результатом политики государства в сфере образования, но в определенной мере отражала мировую тенденцию к расширению доли высшего образования, связанную с формированием постиндустриального общества [19, с. 5].

Министр образования В.М. Филиппов считал едва ли не благом, что в стране на порядок снизился уровень образованности населения. В 2000 г. он заявил: «...нам нужны квалифицированные рабочие» [20, с. 9]. Но рост числа студентов в вузах – свидетельство занятости молодежи на 4–5 лет в условиях безработицы и надежды на изменение ситуации.

Как известно, место страны в мире определяется экономическими показателями, развитием производства, но развитие производства любой страны зависит от уровня образования и культуры. Без высокообразованной нации государство останется на обочине цивилизации. В частности, А. Смит считал одной из важнейших забот государства «поощрение народного образования» [21, с. 259]. Именно в народе он видел главный источник благосостояния и процветания государства, его спокойствия и стабильности. По его мнению, «образованный и просвещенный народ более воспитан и более склонен к порядку, чем народ невежественный и тупой» [22, с. 308]. «Образование простого народа в цивилизованном... обществе, – писал он, – требует, пожалуй, большего внимания и содействия государства, чем образование людей... состоятельных» [23].

Запад иначе подходил к решению этой проблемы. Так, Соединенные Штаты Америки расходовали на образование на душу населения в 30 раз больше, чем Россия. В Великобритании примерно 40 % выпускников школ поступали в вузы, планировалось довести эту цифру до 50 %. Япония, Южная Корея, Сингапур на осуществление этой задачи выделяли огромные средства, большая часть которых тратилась на подготовку педагогов соответствующего уровня [24, с. 390]. В цивилизованных странах было общепризнано, что благополучие государства заключается в высоких технологиях. Следовательно, был востребован высокий профессионализм рабочего, способного осваивать новые технологии. Эта проблема крайне актуальна для России. По оценкам международной экспертизы, в Германии высшую квалификацию имеют 56 % рабочих, в США – 43 %, в России – 5 %. Даже предприятия военно-промышленного комплекса испытывали дефицит, им не хватало 76 % рабочих высшей квалификации [25]. Эта статистика свидетельствовала о разрушительном процессе и в экономике, и в профтехобразовании. К тому же ситуация усугублялась несбалансированностью рынка образовательных услуг и рынка труда по отраслям. Так, в Уральском федеральном округе эта несбалансированность в сфере услуг достигала 50 %, а для транспорта и связи – 25 %. При этом подготовка кадров для этих отраслей отставала в 1,5–2 раза. С началом стабилизации экономической ситуации студенты вузов по-прежнему численно превышали другие категории учащихся, например в 2004 г. их было в 2,8 раза больше, чем в СПО, и в 4,2 раза больше, чем в профтехучилищах [26].

С началом вхождения в переходный период сместился спрос на рабочую силу из отраслей материального производства в сферу услуг, торговли, бытового обслуживания, коммуникационного обеспечения. Образовательные учреждения начального профессионального обучения отставали от требований рынка труда на 10–15 лет, так как учебные стандарты оказались устаревшими. Поэтому выпускники сталкивались с проблемой безработицы: до 18 % по Российской Федерации не имели работы в 2004 г. Почему так произошло, если на протяжении длительного времени общество убеждали в перспективности реформ?

Во-первых, реформирование ограничивалось изменениями структурно-содержательных параметров, а не технологий образования. В связи с этим власть в своих законодательных документах 1999–2000 гг., относящихся к сфере образования, впервые ввела понятие «модернизация» и отказалась от идеологического и финансового давления на него. Образование включалось в сферу общественного инвестирования и конкурентного рынка. Государственное участие в преобразовании формулировалось как «обязательство»: «сделать все возможное для ресурсной обеспеченности образовательной сферы, от которой требуется главное – высококвалифицированные кадры для развития экономики». Следовательно, государство пыталось решить новые задачи старыми методами.

Во-вторых, имея программу реформирования образования, в том числе профессионально-технического, правительство предполагало, что рынок все отрегулирует. Но рынок находился в процессе становления. Началась бурная коммерциализация образования, т. е. расширение платной основы обучения. В 2002 г. в России было 384 частных вуза, где обучалось 718,8 тыс. студентов. В государственных вузах страны свыше 50 % студентов обучались платно. По удельному весу студентов, обучающихся в платных вузах, РФ превзошла Западную Европу, где в частных вузах обучался всего 1 % студентов. Платная система образования «никак и никем не регулировалась» [27, с. 58]. За время реформ не появилось частных профессионально-технических училищ. Платное образование в вузах еще более снизило число желающих получить рабочую профессию. Российское государство освободило себя от ответственности за получение образования большим числом граждан.

В-третьих, сохранившиеся учебные заведения системы ПТО оказались на грани выживания. Предприятия находились под угрозой банкротства, поэтому отказывались от базовых училищ. В условиях начавшейся безработицы они могли набрать рабочих и не из числа выпускников

ПТУ. На самих предприятиях перестала использоваться система наставничества, преемственности, возрос отток квалифицированных рабочих, а из ПТУ – мастеров производственного обучения, преподавателей. Разрушалась материально-техническая база профтехшколы, как и всей системы образования. Одновременно возобладало представление о том, что внедрение информационных технологий будет снижать потребности в рабочей силе.

Нельзя сводить причины кризиса профессионального образования только к отсутствию финансирования в должном объеме. Кризисная ситуация проявлялась и в характере отношений в структуре образования, и в функционировании, формах и методах всей системы. Наступил процесс коренной трансформации, перехода от одной системы отношений к другой, адекватной вызовам новой эпохи. Кризис предстает как радикальная ломка, болезненный переход от старых ценностей и стереотипов сознания к новым, современным. Совокупность этих проблем требовала адекватного их осмысления.

Был создан пакет документов по проблемам образования в целом, в том числе и профессионального, разработанный и утвержденный государственными органами власти. В него вошли закон РФ «Об образовании», Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г. (принята в 2000 г.).

В этих официальных документах преобладала точка зрения, в соответствии с которой профтехобразование следует за рынком, определяющим востребованность конкретных профессий и специальностей. Но промышленное развитие менялось организационно, поэтому профтехобразованию предстояло перейти к подготовке рабочих широкого профиля по совмещенным профессиям, чтобы рабочая сила была наиболее гибким видом капиталовложений, система ПТО – сервисом, способным удовлетворять заявки заказчика. Подготовка такого работника в западных странах началась еще в 1990-е гг., и, по подсчетам Ю.А. Васильчука, на нее было затрачено более 400 тыс. долл. в год. Это цена той культуры молодежи, которая сделала невозможной работу на отсталом производстве при системе низких заработных плат. Данные судебной и страховой практики США и Великобритании подтвердили эти расчеты. Именно эта категория молодежи, вступившая в трудовую жизнь в 1980–1990 гг., приносила прибыль в размере 1 600 млрд долл. в год. Это позволило обосновать вывод, что культура – не только главная производительная сила, несопоставимо более мощная, чем капитал или наука, но и главный фактор накопления [28, с. 13]. Таким образом, была очевидной необходимость крупной структурной перестройки системы ПТО, которая смогла бы выполнять функции не только дневного, но и вечернего, сменного образования, подготовку и переподготовку взрослых рабочих.

Перестройка профтехобразования могла привести к одной из двух альтернатив. Первая – система ПТО выступает генеральным заказчиком, проектировщиком нового труда в формирующейся новой промышленной стране. Вторая – систему ПТО приводят в соответствие с вырождающейся структурой труда, и тогда не удастся не только модернизировать развитие промышленности, но и освоить высокие технологии, которые могут двигать вперед большую науку, – сырьевому сектору она не нужна. Отказываться от профтехучилищ нельзя было и потому, что они – единственный субъект, заинтересованный и в промышленном развитии, и в занятости подростков и молодежи. Реформаторы новой России предпочитали иную концепцию образования: создать квалифицированного потребителя, способного пользоваться результатами труда других.

Таким образом, абсолютное и относительное уменьшение численности рабочих в предкризисной России не было связано ни с научно-техническими, ни с технологическими процессами при переходе от одной экономической системы к другой. Мировой финансовый кризис 2008 г. и последующее десятилетие депрессии сопровождалось закрытием, банкротством предприятий. За 25 лет развития новой России было закрыто 40 000 предприятий, которые были действительными шефами, т. е. держателями отраслевых ПТУ [29]. По этой причине только на Южном Урале в 2008–2014 гг. количество учреждений начального профессионального обучения сократилось с 106 до 40 (т. е. в 2,6 раза), а число учащихся в них – с 38,6 тыс. до 19,5 тыс. человек. Удержались только учреждения среднего специального образования. Их было в 2008 г. – 63, в 2014 г. – 61, в том числе обучающиеся в 2008 г. составили 59,9 тыс., в 2014 г. число студентов вузов превышало эту категорию учащихся в 3 раза [30, с. 92].

Преодолевая последствия кризиса, предприятия стали создавать ресурсные центры. В Нижегородской области, например, при заводах, техникумах, колледжах работали 25 ресурсных учебных центров. Желающие могли получить профессию оператора обрабатывающих центров с числовым программным управлением.

Будущее России – в сфере высоких технологий, но для этого профессиональная подготовка рабочих должна увязываться с технологическими укладами. Основной целью профессионального образования должна стать подготовка профессионального работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего профессией и ориентированного в смешанных областях деятельности,

способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности. Эти параметры предусмотрены в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», в которой запланировано подготовить 25 млн рабочих мест [31].

Эта концепция убеждает в том, что Россия оказалась в ситуации, когда исчерпан потенциал экспортно-сырьевой модели экономического развития, основанной на форсированном наращивании топливного и сырьевого экспорта, выпуске товаров для внутреннего потребления. К тому же государство столкнулось с жесточайшими экономическими санкциями развитых стран, целенаправленно использующих вхождение России в систему Международного валютного фонда, где национальная валюта обеспечена долларом, а не золотым запасом, ресурсами и другими национальными достояниями. Основной экспорт из России – поставка углеводородов за рубеж, поэтому при падении цен на этот товар обесценивается рубль, повышается инфляция. Средств на модернизацию экономики не хватает из-за того, что на объем экспортных закупок влияют иностранные государства, рынки и цену на экспортный товар тоже определяет мировой рынок. Часть вырученных средств помещается в резерв, гарантируя платежеспособность страны перед кредиторами. В сложившейся ситуации России необходим мощный модернизационный прорыв, чтобы обеспечить безопасность, избежать таких последствий, как экономический коллапс, дефицит, сокращение рабочих мест, невыплата или уменьшение зарплат. Этот прорыв возможно обеспечить не только высоким уровнем технологий, но и высоким качеством профессионально-технического образования рабочих, владеющих знаниями, практикой, опытом внедрения нового в производство.

Реализация такой судьбоносной задачи требует знания не только современной социально-экономической ситуации, но и положения рабочих как основной силы в материальном производстве, их квалификации, культурного уровня, социальной активности, влияния либеральных экономических и политических реформ 1991–2008 гг., чтобы извлечь уроки и определить перспективы. Необходима крупная структурная перестройка системы ПТО. Важно развивать не развитые в настоящее время функции вечернего сменного образования, осуществлять подготовку и переподготовку молодых рабочих, создавая центры мобильной подготовки с учетом новых технологий.

Профтехшколе предстоит перейти на подготовку рабочих широкого профиля по совмещению и наукоемким профессиям. Рабочая сила должна стать наиболее гибким видом капиталовложений. Этим задачам отвечает новый тип – высшие профтехучилища. Они готовят рабочих с разным уровнем квалификации. Система становится сервисом, способным удовлетворить заявки заказчика.

Перспективным представляется развитие хозрасчетных объединений по опыту Волгограда, Красноярска, Челябинска. Они сотрудничают со службами занятости, на основе договоров – с училищами, берут на себя материально-техническое обеспечение производства, изучают конъюнктуру рынка, собирают заказы, обеспечивают рынок сбыта продукцией.

Развивая систему профтехобразования, предстоит отказаться от ошибок и наслоений прошлого, развивая гуманизацию и демократизацию профтехшколы. Создавая правовое государство, необходимо принять Закон о профтехобразовании, чтобы реально защитить право каждого гражданина на получение профессионального образования и тем самым гарантировать демократизацию и гуманизацию системы в условиях рыночной экономики.

Перспективным для малообеспеченной молодежи представляется предоставление права поступления в те ПТУ, где выплачивается стипендия, есть бюджетные места под заказы предприятий, на которых работают их родители. Это будет способствовать возрождению наставничества и воспроизводству рабочей силы.

Опыт стран Западной Европы и развитие современных научно-информационных технологий убеждают в том, что профтехшкола должна достаточно полно учитывать потребности народного хозяйства в квалифицированных рабочих. Поэтому система ПТО должна быть многовариантной, отзывчивой к конъюнктуре рынка, конкурентоспособной, не только нацеливать на получение профессии, но и формировать у будущих рабочих потребность в непрерывном образовании, повышении квалификации.

Ссылки:

1. См.: Труд в СССР : стат. сб. М., 1988. 302 с.
2. Батышев С.Я. Подготовка рабочих в средних профессионально-технических училищах. М., 1988. 176 с.
3. Советский город. Социальная структура. М., 1988. 286 с.
4. Бельский В.Х. Класс наемных работников или рабочий класс? // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 127–134 ; Его же. Рабочий класс как объект социологического анализа // Там же. 2003. № 1. С. 29–36 ; Максимов Б.И. Рабочий класс, социология и статистика // Там же. С. 37–46 ; Трушков В.В. Современный рабочий класс России в зеркале статистики // Там же. 2002. № 2. С. 45–51.
5. Мельников Е.Г. Социальная структура в российском обществе: противоречия, трансформация и методологические исследования // Социология и общество : тез. Первого Всерос. социол. конгр. (27–30 сент. 2000 г.). СПб., 2000. С. 21 ;

- Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация : учеб. пособие. М., 1995. С. 197–198 ; Советская Россия. 1995. 20, 23 мая.
6. Беленький В.Х. Класс наемных работников или рабочий класс? С. 127.
 7. Collins Dictionary of Sociology / eds.: D. Jary, J. Jary. 3rd rev. ed. Glasgow, 2000. 768 p.
 8. Труд и занятость в России – 2005 г. : стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 76–77.
 9. Трушков В.В. Указ. соч. С. 47.
 10. Кива А. Как понимать президента? // Литературная газета. 2004. 9–15 июня ; Трушков В.В. Указ. соч. С. 45.
 11. Фартышев В.М. Последний шанс Путина. Судьба России в XXI веке. М., 2004. 480 с.
 12. Максимов Указ. соч. С. 41.
 13. Труд и занятость в России : стат. сб. / Госкомстат. М., 1999. С. 116–117.
 14. Там же. С. 184.
 15. Graham T.E. Russia's Decline and Uncertain Recovery. Washington, DC, 2002. P. 57.
 16. Труд и занятость в России. М., 1999. С. 154.
 17. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Мигранты и работодатели в конфликтогенном пространстве // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 6. С. 33–52.
 18. Гуськова Н.С. Подготовка квалифицированных рабочих в системе профтехобразования на Южном Урале в 1917–1980 гг. (историко-партийный аспект) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1992. 26 с.
 19. Хридина Н. От ремесла до бизнеса // Уральский федеральный округ. 2004. № 11–12. С. 5.
 20. Век. 2000. № 40 (405). С. 9.
 21. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М., 1935. 379 с.
 22. Там же. С. 308.
 23. Там же.
 24. Шутов А.А. На руинах великой державы, или Агония власти. М., 2004. 432 с.
 25. Народное образование. 2001. № 8. С. 3 ; Труд. 2000. 18 окт.
 26. Труд и занятость в России. 2005. С. 76 ; Уральский федеральный округ. 2004. № 11–12. С. 6.
 27. Кочкаева Т.Н. Ценностно-целевые приоритеты модернизации современного российского образования // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 5. С. 53–64.
 28. Васильчук Ю.А. Социальное развитие человека в XX веке. Фактор культуры // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 5–29.
 29. Чижов М. К вопросу о «вредительстве» // Литературная газета. 2017. № 3 (6583). 25–31 янв. С. 3.
 30. Гуськова Н.С. Качественное образование – основа инновационного развития Урала // Россия сегодня: социальные, экономические и политические тренды : материалы XXXIV междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 89–96.
 31. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 нояб. 2008 г. № 1662-р : ред. от 10 февр. 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

- Batyshev, SYa 1988, *Training workers in secondary vocational schools*, Moscow, 176 p., (in Russian).
- Belenky, VKh 2003, 'Working class as a subject of the sociological analysis', *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 1, pp. 29-36, (in Russian).
- Belenky, VKh 2005, 'Class of wage workers or working class?', *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 3, pp. 127-134, (in Russian).
- Century 2000, no. 40 (405), p. 9, (in Russian).
- Chizhov, M 2017, 'On "wrecking"', *Literaturnaya gazeta*, no. 3 (6583), January 25-31, p. 3, (in Russian).
- Guskova, NS 2017, 'Quality education as the basis for the innovative development of the Urals', *Rossiya segodnya: sotsial'nyye, ekonomicheskkiye i politicheskkiye trendy: materialy XXXIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Moscow, pp. 89-96, (in Russian).
- Dmitriev, AV & Pyadukhov, GA 2005, 'Migrants and employers in conflict-related space', *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, no. 6, pp. 33-52, (in Russian).
- Fartyshev, VM 2004, *Putin's last chance. The fate of Russia in the 21st century*, Moscow, 480 p., (in Russian).
- Graham, TE 2002, *Russia's Decline and Uncertain Recovery*, Washington, DC, p. 57.
- Guskova, NS 1992, *Training skilled workers in the system of vocational education in the South Urals in 1917-1980 (historical and party aspect)*, PhD thesis abstract, Chelyabinsk, 26 p., (in Russian).
- Guskova, NS 2017, 'Quality education as the basis for the innovative development of the Urals', *Rossiya segodnya: sotsial'nyye, ekonomicheskkiye i politicheskkiye trendy: materialy XXXIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Moscow, pp. 89-96, (in Russian).
- Jary, D & Jary, J (eds.) 2000, *Collins Dictionary of Sociology*, 3rd rev. ed., Glasgow, 768 p.
- Khridina, N 2004, 'From craft to business', *Ural'skiy federal'nyy okrug*, no. 11-12, p. 5, (in Russian).
- Kiva, A 2004, 'How can we understand the president?', *Literaturnaya gazeta*, June 9-15, (in Russian).
- Kochkaeva, TN 2006, 'Value-based and target priorities for the modernization of the modern Russian education', *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, no. 5, pp. 53-64, (in Russian).
- Labor and employment in Russia: a statistical compilation* 1999, Goskomstat, Moscow, pp. 76, 116-117, 154, 184, (in Russian).
- Labor and employment in Russia in 2005: a statistical compilation* 2006, Rosstat, Moscow, pp. 76-77, (in Russian).
- Maksimov, BI 2003, 'The working class, sociology and statistics', *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 1, pp. 37-46, (in Russian).
- Melnikov, EG 2000, 'Social structure in Russian society: contradictions, transformation and methodological research', *Sotsiologiya i obshchestvo: tez. Pervogo Vseros. sotsiol. kongr. (27–30 sent. 2000 g.)*, St. Petersburg, p. 21, (in Russian).
- Public education* 2001, no. 8, p. 3, (in Russian).
- Radaev, VV & Shkaratan, OI 1995, *Social stratification*, manual, Moscow, pp. 197-198, (in Russian).
- Shutov, AA 2004, *From the ashes of a great power, or the Agony of power*, Moscow, 432 p., (in Russian).
- Smith, A 1935, *Research on the nature and causes of the wealth of peoples*, vol. 1, Moscow, 379 p., (in Russian).
- Soviet Russia* 1995, May 20, 23, (in Russian).
- The Soviet city. Social structure* 1988, Moscow, 286 p., (in Russian).
- Trud* 2000, October 18, (in Russian).
- Trushkov, VV 2002, 'The modern working class of Russia from the statistical perspective', *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 2, pp. 45-51, (in Russian).
- Ural Federal District* 2004, no. 11-12, p. 6, (in Russian).
- Vasilchuk, YuA 2003, 'Social human development in the 20th century. The cultural factor', *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 5-29, (in Russian).
- Work in the USSR: a statistical compilation* 1988, Moscow, 302 p., (in Russian).